

УДК 74; 7.05

Барзания Аксана Зосимовна

аспирант кафедры дизайна

Aksana Barzani Z.

e-mail: gzhelnauka@yandex.ru

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Гжельский государственный университет»
Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
“Gzhel State University”

Московская обл., Раменский р-н, пос. Электроизолятор, д. 67, Россия, 140155
Тел.: 8(499)553-84-04

ОЧАГ КАК КОМПОЗИЦИОННЫЙ ЦЕНТР ТРАДИЦИОННОГО ЖИЛИЩА АБХАЗОВ

THE HEARTH AS A COMPOSITIONAL CENTRE OF THE TRADITIONAL HOMES OF ABKHAZIANS

Аннотация: в статье представлен культурологический и искусствоведческий анализ домашнего очага как сакрального места в жилище абхазов. Автор детально характеризует различные элементы домашнего очага и их многозначную семантику, исследует его роль в интерьере домашнего пространства абхазов.

Ключевые слова: источники огня; домашний очаг; интерьер дома; абхазы.

Abstract: The article presents the cultural and art analysis of the home as a sacred place in the home of Abkhazians. The author describes in detail the various elements of the home and their polysemantic semantics, explores its role in the interior of the home space of Abkhazians.

Keywords: sources of fire; home; interior of the house; Abkhazians.

В современном дизайне существует повышенный интерес к проектированию в жилой среде источников огня – камины, печи, барбекю. Магия живого открытого огня в доме связана с изначальным понятием «домашний очаг» [1, с. 6]. Это один из самых известных древних архетипов, символизирующий домашний уют и тепло семейных отношений у многих народов [6, с. 249]. Смысловым и композиционным центром традиционного абхазского жилища также был очаг. Очаг – «ахуштаара» – являлся у абхазов существенной частью жилища, служившей могучим оружием в их борьбе с климатическими и другими явлениями природы. Абхазы стремились устроить его как можно лучше, ибо с ним было связано все их благополучие. Очаг являлся священным, священными же считались охранители его. Такое

почитание, своего рода обожествление очага, объяснялось значением огня в жизни человека, теми трудностями, которые были связаны в древности с добыванием огня, с трудностями восстановления огня после его угасания. С другой стороны, непрерывный огонь, связанный с очагом, имел огромное значение для поддержания постоянного тепла в зимний период в легких и сырых помещениях местного населения, где даже в летнее время непрерывность огня не оказывала почти никакого влияния на повышение температуры воздуха [3, с. 198].

Домашняя «святыня» – очаг считался также местопребыванием ряда божеств, и прежде всего божества – покровителя животных и людей. Должен быть отмечен и обряд, по которому при вступлении в дом мужа новобрачная прежде всего подводилась к очагу с надочажной цепью и три раза обводилась вокруг него, чтобы семейная «святыня» очистила ее от злых духов, нечистой силы и всех чар, и чтобы она милостиво приняла нового члена семьи. Подобные обряды существовали и у других народов. Так, Г. Ф. Чурсин, отмечая этот обычай, писал: «К очагу, как к семейной святыне, к божеству дома, приводят новобрачную и обводят вокруг очага совершенно так же, как это делалось у греков и римлян и как еще и в наши дни делается у осетин, абхазов, армян и других кавказских народов» [5, с. 33]. Долго болевшего хилого ребенка проносили через очаг – под очаговую цепь, как говорили абхазы: ахнышьыр датдыргон, чтобы освободить его от воздействия на него злых духов и нечистой силы. Абхазы клялись надочажными цепями (архнышьа). Словом, эта цепь по своей магической силе почти приравнивалась к кузнечной наковальне.

Очаг устраивали так: посреди земляного пола «амасар-тдзы», немного ближе к задней стене жилища, утрамбовывая глиняный насып, образовывали четырехугольник размером приблизительно 100х60 см, почти не возвышающийся над полом. Подобное устройство очага позволяло хозяйке использовать его вместо каменной сковородки для выпечки чуреков или хачапуров. В очаге весь день горел костер, ночью же сохранялись пылающие

угли, обсыпанные довольно толстым слоем золы. У этого очага потреблялась пища, вокруг него располагались домочадцы на ночлег, разостлав на земляном полу солому, подложив шкуру животного или завернувшись в свои бурки. Ложились подряд, обратив ноги к очагу.

Дым выходил через двери, сквозь стены и крышу жилья, но в пасмурную погоду он кружился по комнате, покрывая все помещение копотью и сажей. В редких случаях абхазы над очагом для выхода дыма устраивали одновременно с возведением стен жилища плетеные вытяжные трубы (дымари). Внизу раструб не доходил до пола приблизительно на один-полтора метра и имел форму четырехугольника с закругленными углами; сверху вытяжная труба постепенно суживалась, незначительно выступала над крышей и покрывалась двухскатным деревянным навесом. У очага ставилось также несколько низких маленьких скамеек. По одну сторону очага, вдоль стен, устраивали нары – лавки с разбросанными на них маленькими цилиндрическими подушками. По другую сторону очага ставили длинную и довольно широкую скамью (арымдз), которая иногда служила и тахтой.

Первоначально стены и нары жилища ничем не покрывали. Впоследствии стали покрывать их коврами собственной выделки (ауархал). У зажиточных крестьян стены и нары жилища покрывались другой какой-либо материей собственного изготовления с более или менее искусно вышитыми узорами. Постелью бедняков и зависимых крестьян служили шкуры зверей и домашних животных, солома и войлочный ковер.

Тут же на нарах стояли деревянные большие и малые сундуки, окованные железом или медью («ашэындыкура», «ачыкьмаджьа»), в которых хранились необходимые домашние вещи. Вдоль нар на стене вешали небольшое, вышитое в середине и по краям, покрывало («акыдыршэыла»). На колышках, вбитых в стену жилья, развешивали седло («акуадыр»), кнут («акамчы»), оружие («абджьар»), парадную одежду хозяев и т. п. Над нарами во всю длину их, на высоте около метра, растягивали самотканую материю

(«ахарха») на ширине, равной нарам, для защиты постели и всех предметов, лежащих на нарах, а также висящих на стене, от пыли и копоти [4, с. 16].

Внутри жилья вокруг одного из его углов, в радиусе приблизительно 1 метра, снимали землю так, чтобы земляной пол постепенно снижался, скатывался к деревянной основе жилища, под которой вырывали небольшое отверстие, соединявшееся с наружной канавкой, устраивавшейся вокруг жилища. Подобный скат устраивался, чтобы вода могла легко стекать вниз и через отверстие вливаться в наружную канавку. Подобный скат устраивался во всех жилищах с земляным полом.

За тахтой у стены на тонких столбиках-ножках высотой около метра прибавали одну над другой две или три дощечки наподобие полок («акыгура»). На этих полках расставляли деревянные тарелки, а к концу одной из дощечек прибавали планочки с выемками, куда вставлялись деревянные и роговые ложки («амхацэ»). На этих полках ставилась также специальная длинная и круглая деревянная посуда больших размеров с крышкой из дощечки («апкул») для хранения муки, зерна и пр.

На полу около полки с посудой ставили на досках чугунные и медные котлы и кувшины, а также и глиняные кувшины, наполненные водой, а рядом с ними к стенке прислоняли плоский камень («ахакья»), употребляемый вместо ступки для толчения соли, приготовления орехового масла и др. Сверху на этот камень или рядом с ним клали другой, круглый или овальной формы, камень величиной с кулак («аихныга») для растирания ореховых зерен, перца и пр. Здесь же рядом к стене прислоняли плоский камень четырехугольной формы («амака») для точения ножей, топора, цалды и др., на стене вешали своеобразный столик в 1,5 метра на 4-х ножках до 60 см высоты («аишэа») и полукруглый столик на 3-х ножках такой же вышины («аишэахьча») для подачи пищи одному человеку. На конце столик имел отверстие треугольной формы для вешания на стене. Над очагом вешали котлы для приготовления пищи, в частности, для варки мамалыги и мяса. Котлы подвешивались над очагом при помощи особой раздвижной подвески

(«ацэахэ»). На полу, где-нибудь в уголке, стояла подставка для котла («ачуан таргыла»), сделанная из поставленного на 4-х невысоких ножках обрубка, сердцевина которого выдалбливалась в соответствии с округленностью котла. Сняв с очаговой цепи горячий котел, хозяйка ставила его на эту подставку и начинала размешивать мамалыгу. На стенах висели ковши, воронки для вина, топоры и цалды, вертело и крючки для мяса, деревянная ступа и корзины для шелушения зерен, проса и кукурузы.

Такая хижина представляла собою единственное жилище для огромного большинства абхазского населения еще в не очень далеком прошлом. По многим свидетельствам, князья не позволяли крестьянам иметь жилища, покрытые дранью.

Происшедшие изменения в общественных отношениях в связи с изменениями в способе производства вызвали дифференциацию жилищ. У большинства крестьян, в особенности у бедняков, плетеные хижины выглядели ветхими, скривившимися на бок, с множеством прорех в стенах. Социально-экономическое привилегированное положение феодалов давало им возможность строить свои жилища лучше и просторнее, чем остальные слои населения. Дома феодалов отличались значительно большими размерами, большей квадратурой занимаемой ими площади, расчлененностью на отделения и внешней их отделкой. Абхазское сельское жилище прошло долгий путь развития от примитивной хижины до современных домов [2, с. 115]. Тем не менее всем типам жилищ присуще наличие очага с открытым огнем.

Список литературы

1. Барсукова Н. И. Символика как средство индивидуализации жилой среды. Инновации в социокультурном пространстве / Мат. X Межд. науч.-практ. конф. 20 апреля 2017 г. Ч. 1. Благовещенск: АмГУ, 2017. С. 5–8.

2. Барсукова Н. И., Барзания А. Особенности национальных традиций абхазского жилища в современном интерьере / Мат. межд. науч. форума

«Образование. Наука. Культура» (22 ноября 2017 г.). Гжель: ГГУ, 2018. С. 112–115.

3. Инал-Ипа Ш. Д. О новом быте в абхазской деревне (по материалам колхоза «Дурипш») / Труды Абхазского института языка, литературы и истории. Сухуми. 1951. С. 198.

4. Миллер А. А. Черкесские постройки / Мат. по этнографии России. Т. II. СПб. 1914. С. 9–16.

5. Чурсин. Ф. Народные обычаи и верования Кахетии. Тбилиси, 1905. С. 33.

6. Barsukova N., Alekseeva I., Pallotta V. Identification of traditional Russian national origins in the design of modern country houses / Interciencia Journal 43 (3), 2018. P. 240–263.